

УДК 341.44:343.37

К. Тоцкий,
*соискатель кафедры международного права и государственного права
иностранных государств Национальной юридической академии
Украины имени Ярослава Мудрого (Харьков)*

КОЛЛИЗИОННЫЕ ВОПРОСЫ МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ЭКСТРАДИЦИИ ПО ЕВРОПЕЙСКИМ ДОГОВОРАМ О БОРЬБЕ С ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ПРЕСТУПНОСТЬЮ

В последние годы все более выделяется область международного сотрудничества в борьбе с преступностью — борьба с экономической преступностью. Внимание к данной категории преступлений объясняется особым положением, которое она занимает в структуре преступности. Такая преступность не только имеет самостоятельный характер, но и выполняет важнейшую функцию сокрытия и легализации доходов, возникших от иных видов преступной деятельности. При этом международный характер экономической преступности заставляет уделять особое внимание созданию условий для наступления неотвратимости наказания. Одним из важнейших правовых механизмов, служащих такой цели, является экстрадиция. При этом в Европе происходит формирование особого правового пространства, где действуют региональные конвенции, в том числе касающиеся борьбы с преступностью и устанавливающие особые условия экстрадиции.

В Украине в последнее время проводились исследования различных аспектов оказания международной правовой помощи, в частности О. И. Виноградовой (уголовно-процессуальные аспекты) [6], С. М. Выхрестом [7], М. Аль-Шбулем [1], О. В. Киевец (международно-правовые аспекты) [10]. Однако они имели своим предметом преимущественно исследование универсальных механизмов экстрадиции, не обращаясь специально к особенностям европейской практики, особенно в отношении выдачи по отдельным категориям преступлений. Целью настоящей статьи является установление и исследование правовых коллизий, которые возникли в конвенциях о правовой помощи, действующих в рамках Совета Европы и СНГ.

Экономическая преступность не является чем-то неведомым или экзотическим ни для одного из государств мира. Но в странах с переходной экономикой масштабы этой преступности имеют фантастический размах. Например, в России в последние годы удельный вес теневой экономики, которая является почвой для экономической преступности, составляет по разным оценкам от 50 до 70% валового внутреннего продукта [8]. В Украине теневая экономика за последние 25 лет выросла не менее чем в 30 раз, а в отдельных отраслях — в 60 раз [3].

В то же время международно-правовое сотрудничество в борьбе с экономической преступностью нельзя назвать динамично развивающейся областью межгосударственных отношений. Специальных универсальных международ-

ных договоров здесь пока не заключено, и сотрудничество опирается преимущественно на региональные соглашения. В Европе единственным международным договором, направленным на унификацию уголовного законодательства в борьбе с экономической преступностью, является Конвенция о борьбе с легализацией доходов, полученных преступным путем (об отмывании «грязных» денег) [11]. Иные двусторонние и многосторонние договоры касаются сотрудничества органов по поддержанию правопорядка в расследовании преступлений и в производстве экстрадиции. Наиболее значимыми из тех, в которых участвует Украина, являются Конвенция о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам (далее — Конвенция СНГ), Европейская конвенция о выдаче 1957 г., Европейская конвенция о взаимной правовой помощи по уголовным делам. Безусловное значение для борьбы с экономической преступностью имеют директивы, принимаемые органами ЕЭС, например Директива Комиссии ЕЭС №91/308/ЕЭС «О предотвращении использования финансовой системы для отмывания денег». Юридическая сила директив распространяется только на государства — члены ЕЭС, но это не значит, что эти документы можно не учитывать в отношениях с такими государствами.

Кроме указанных документов, могут иметь значение и такие международно-правовые акты, а также международно-правовая практика, которые на первый взгляд непосредственно не имеют отношения к международному сотрудничеству в борьбе с преступностью. Такова, например, практика Европейского суда по правам человека в толковании ст. 2 (право на жизнь) [4] и ст. 3 (запрет пыток, бесчеловечного и унижающего достоинство обращения и наказания) [5] Конвенции о защите прав человека и основных свобод 1950 года. Она основывается на запрете производить выдачу в государства, в которых лицу угрожает смертная казнь, насильственное исчезновение, преследование по признаку расы, цвета кожи, по политическим, религиозным убеждениям. Исследователи в этой связи отмечают, что практика международной защиты прав человека объективно осложнила экстрадиционные процессы. Эффективность выдачи стала зависеть от достижения баланса между получением согласия на экстрадицию и гарантированием неприменения к выдаваемому запрещенных средств воздействия или наказания [2]. Соответствующих положений нет в Конвенции СНГ о правовой помощи, и это не было заявлено в качестве оговорки при ратификации Конвенции Верховной Радой Украины. Отсутствует соответствующее положение и в европейских конвенциях о выдаче, и в двух дополнительных протоколах к ней, и в Конвенции о взаимной помощи по уголовным делам. Примечательно, что Украина заявила об оговорке к последней из названных конвенций относительно дополнительных условий отказа в оказании правовой помощи, связанных с возможностью преследования [9]. Но Украина так и не сделала такой оговорки относительно экстрадиции. Из этого не должно следовать, что государство, в том числе Украина, не вправе осуществлять экстрадицию при наличии угрозы преследования по признаку расы, цвета кожи, политическим, религиозным убеждениям. Основанием для отказа в экстрадиции

в данном случае должна быть Конвенция о защите прав человека и основных свобод 1950 года.

Следует также иметь в виду, что Конвенция о борьбе с легализацией доходов, полученных преступным путем не содержит самостоятельных положений об экстрадиции, а имеющиеся в ней нормы о правовой помощи являются специальными в отношении более общих норм и процедур, содержащихся в Конвенции о взаимной помощи по уголовным делам. Поэтому межгосударственное сотрудничество в борьбе с экономической преступностью основывается на комплексе международно-правовых актов.

Некоторые вопросы применения международных договоров для борьбы с экономической преступностью являются коллизионными, что может затруднять международное сотрудничество.

Так, может возникать коллизия между Конвенцией СНГ о правовой помощи и европейскими конвенциями о взаимной помощи по уголовным делам (1959) и о выдаче (1957). Это связано, прежде всего, с тем, что между конвенциями существует иерархия не в зависимости от времени подписания, а в зависимости от установленной в европейских конвенциях их юридической силы. В ст. 26 Конвенции о взаимной помощи по уголовным делам и в ст. 28 Конвенции о выдаче установлено, что в отношении государств, к которым применяются Конвенции, прекращают действие положения любого иного международного договора, которые регулируют взаимную помощь по уголовным делам или выдачу. Из приведенного замечания следуют несколько выводов, имеющих отношение к борьбе с экономической преступностью.

Во-первых, возникает коллизия между п. (а) ст. 2 Конвенции о взаимной помощи по уголовным делам и ст. 57 Конвенции СНГ о правовой помощи. Европейская конвенция предоставляет государствам право отказывать в правовой помощи по налоговым правонарушениям. Такого права у государств нет в соответствии с Конвенцией СНГ, но в случае если оба государства — участники правовой помощи являются сторонами и Конвенции СНГ, и Европейской конвенции, каждое из них вправе сослаться на Европейскую конвенцию для защиты своих интересов.

Во-вторых, возникает коллизия между п. 1 ст. 2 Конвенции о выдаче и п. 3 ст. 56 Конвенции СНГ о правовой помощи. По Европейской конвенции выдача может производиться, если минимальный срок лишения свободы за совершенное преступление составляет не менее 4 месяцев, а по Конвенции СНГ — не менее 6 месяцев. При внешней незначительности расхождения возникает юридически не вполне ясная ситуация — одно и то же лицо за совершение одного и того же преступления по одной конвенции может быть выдано, а по другой — нет. В данном случае существует безусловная необходимость согласования размеров санкций в виде лишения свободы в уголовном законодательстве государств и устранения коллизии Конвенции СНГ с Европейской конвенцией путем подписания дополнительного протокола к Конвенции СНГ.

В-третьих, ст. 5 Второго дополнительного протокола к Конвенции о выдаче содержит норму о порядке выдачи за совершение финансового правонаруше-

ния, чего нет в рассматриваемой Конвенции СНГ. В этом случае, если оба государства — участники правовой помощи являются сторонами и Конвенции СНГ, и Европейской конвенции, каждое из них вправе сослаться на Европейскую конвенцию для защиты своих интересов.

Конвенция о взаимной помощи по уголовным делам и Конвенция о выдаче несомненно более полно, чем Конвенция СНГ о правовой помощи, описывают основания выдачи и основания для отказа в выдаче. Более полное участие в европейских конвенциях, безусловно, связано с необходимостью более высокого уровня унификации уголовного законодательства, чем это требуется для сотрудничества в рамках Конвенции СНГ о правовой помощи. В частности, применительно к условиям экстрадиции за финансовые правонарушения (ч. 1 ст. 5 Второго дополнительного протокола к Конвенции о выдаче) выдача производится «если правонарушение, по законодательству запрашиваемой стороны, соответствует правонарушению такого же характера». В условиях правового государства, где контроль за экстрадицией осуществляет независимый суд, формальные расхождения в формулировании специфических составов преступлений в финансово-экономической сфере в уголовных законах разных государств могут иметь следствием блокирование не только экстрадиции, но и производство отдельных следственных действий по запросам иностранных следственных органов.

Таким образом, можно прийти к следующим выводам о причинах коллизии в процедурах выдачи по европейским международным договорам о борьбе с экономическими преступлениями и констатировать наличие в них ряда правовых коллизий: 1. Конвенция о борьбе с легализацией доходов, полученных преступным путем, не содержит самостоятельных положений об экстрадиции, что вынуждает применять для выдачи по данной категории преступлений другие международные договоры. 2. Участие Украины в двух международно-правовых системах правовой помощи создает коллизию между Конвенцией СНГ о правовой помощи и европейскими конвенциями о взаимной помощи по уголовным делам (1959) и о выдаче (1957). При этом европейские конвенции о взаимной помощи по уголовным делам и Конвенция о выдаче несомненно более полно, чем Конвенция СНГ о правовой помощи, описывают основания выдачи и основания для отказа в выдаче. Указанные коллизии юридически не могут быть эффективно разрешены без заключения дополнительных международных протоколов. Объективно это усложняет международное сотрудничество Украины в рамках Конвенции о борьбе с легализацией доходов, полученных преступным путем. 3. Осуществление экстрадиции должно производиться с учетом обязательств по международным договорам о правах человека, которые не содержат норм об экстрадиции, но объективно ограничивают ее. Государство, в том числе Украина, не вправе осуществлять экстрадицию при наличии угрозы преследования по признаку расы, цвета кожи, политическим, религиозным убеждениям. Основанием для отказа в экстрадиции в данном случае должна быть Конвенция о защите прав человека и основных свобод 1950 года.

Література

1. Аль-Шбуль М. Договірні відносини держав в питаннях видачі злочинців // *Правова система України: теорія і практика: Тези доп. і наук. повідомл. наук.-практ. конф.* — К., 1993. — С. 509–511.
2. Аль-Шбуль М. Повейшие тенденции развития международного права экстрадиции: Автореф. дис... канд. юрид. наук. — К., 1996. — 20 с.
3. Биленчук П. Д., Еркенов С. Е., Кофанов А. В. Транснациональная преступность: состояние и трансформация. — К.: Атика, 1999. — С. 28.
4. Бойл К. Право на життя відповідно до Європейської конвенції з прав людини (стаття 2) // *Європейська конвенція з прав людини: Основи положення, практика застосування, український контекст* / За ред. О. Л. Жуковської. — К., 2004. — С. 17–32.
5. Буроменський М. Право на особисту недоторканність // *Європейська конвенція з прав людини: Основи положення, практика застосування, український контекст* / За ред. О. Л. Жуковської. — К., 2004. — С. 93–107.
6. Випоградова О. Принципи міжнародного співробітництва у боротьбі зі злочинністю // *Право України.* — 1999. — № 4. — С. 90–93.
7. Вихрист С. Визначення екстрадиції // *Укр. часопис міжнар. права.* — 2001. — № 1. — С. 57–60.
8. Драпкин Л. Я., Злоченко Я. М. Тепевая экопомика России: понятия, структура, основные направления противодействия // *Организованная преступность и коррупция: Исследования. Обзоры. Информация.* — 2000. — № 2. — С. 32.
9. Про ратифікацію Європейської конвенції про взаємну допомогу у кримінальних справах, 1957 рік, та додаткового протоколу 1978 року до Конвенції: Закон України від 16 січня 1998 р.
10. Києвц О. В. Роль міжнародних спеціалізованих організацій в боротьбі з отмиванням депозитів // *Предприимательство, хозяйство, право.* — 2003. — № 7. — С. 79–81.
11. Києвц О. В. Міжнародно-правове регулювання боротьби з відмиванням «брудних» грошей: Автореф. дис... канд. юрид. наук. — К., 2003. — 17 с.

УДК 340.001.11

В. В. Дудченко,
канд. юрид. наук, доцент ОНЮА

ПРОБЛЕМА КОНЦЕПТУАЛІЗАЦІЇ ПРАВА

Становлення сучасної правової парадигми у вітчизняній юриспруденції спонукає до перегляду проблем, які, здавалося б, давно вже вирішені. Ідеться, передусім, про проблему концептуалізації права.

Мета даної статті полягає в тому, щоб під кутом зору природного права поновому переосмислити такі основні правові поняття, як право, суб'єкт права, об'єкт права, правовідносини, норма права, суб'єктивне право, об'єктивне право, правопорядок та інші. У подібному контексті проблема концептуалізації права в сучасній українській юридичній літературі ще не опрацьовувалася, хоча визнання природного права і суспільного договору основою чинної Конституції України створює сприятливі можливості для цього.

Статичний перехід у сучасній теорії права передбачає, насамперед, подолання занадто спрощених концепцій причинності у праві.

Теорія права мусить розпочинатися з антропологічного моменту, з людської свободної волі. Поняття права має визначатися за цим першоджерелом. У зв'яз-